



свободная газета свободных поэтов

# ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ



АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

\*\*\*

Смертный страх, словно идол,  
расколот.  
Небеса заплели в стихослов  
Вифлеемский предьясельный  
холод,  
Крик Младенца и трепет волхвов.

Тьма отныне светлей и короче:  
Ветхий мир ко спасенью влеча,  
На таинственной скатерти ночи  
Разгорелась живая свеча.

\*\*\*

Предрассветно, беспросветно,  
Темнонебо и ни зги.  
Уповать на лампы тщетно,  
Фонари зазря не жги:  
Где-то засветло донныне  
Путь забыт, потерян след.  
... В нечужбине и в судьбине  
Задержался предрассвет.

\*\*\*

Вдоль по жизненной цепочке  
Я иду, слагая в строчки  
Золотые годы-звенья  
От рожденья до забвенья.

Видел то и слышал это:  
Были лето, Цой и Летов...  
Мир звенел, сияли звенья  
Ярко до самозабвенья.

Мне и нынче не до точки.  
Звенья-строчки на листочке  
Прибывают и пребудут.

... Вдруг и правда не забудут?

**Игорь Столяров,  
Нелидово**

## «Экипаж машины боевой»



Каждый житель Андреаполя знает, что центральная улица города, протянувшаяся от Кушелевского моста до железнодорожного вокзала, носит имя Героя Советского Союза Гавриила Антоновича Половчени. В этом названии увековечена память подвига, забвения которой не будет. Вместе с именем Половчени в историю освобождения Андреаполя навсегда вписаны имена сержантов Василия Яковлевича Бондаренко, Николая Филипповича Пушкарского и младшего лейтенанта Ерухима Лейбовича Гольцмана – членов легендарного экипажа, отвага и мужество которого во многом определили ход событий памятного дня 16 января.

В день освобождения Андреаполя от немецко-фашистских захватчиков в Центральной библиотеке стартовал краеведческий проект «Дневник Памяти». История легендарного рейда танка Т-34 141-ого Отдельного танкового батальона стала темой встречи, организованной совместно с Андреапольским краеведческим музеем.

Директор краеведческого музея Валерий Линкевич рассказал о боях батальона и экипажа танка Т-34. Участники мероприятия впервые получили возможность ознакомиться с фотографиями всех четырех танкистов и узнать

историю их архивного поиска.

Слава об экипаже широко распространялась в войсках. Поэт Михаил Матусовский посвятил Гавриилу Антоновичу стихи, которые напечатала газета «Красная Звезда». Они называются «Баллада о капитане Половчене»:

*... Отброшен враг, пожар погас,  
И бой затих в долине.*

*Из уст в уста идет рассказ  
О танке Половчени.*

*Он возникает тут и там,  
Как мститель в самой гущи  
И настаивает по пятам  
Идущих и бегущих.*

*Он через рвы летит вперед,  
В глазах мелькают пятна.*

*И землю ту, что он берет,  
Не отдает обратно.*

*Он за снарядом шлет снаряд,  
Он ночью немцам снится –  
За ними пристально следят*

*Открытые бойницы.*

*Клубится в поле снежный прах  
На узком перекрестке,  
Трещат у танка на зубах*

*Обозные повозки.*

*Ты различаешь его в огне  
По блеску славы вечной,  
По нанесенной на броне*

*Звезде пятиконечной.*



**Людмила Леоненкова,**  
*г. Белый*

Людмила Леоненкова родилась в 1954 году в г.Белый. Окончила математический факультет ТГУ. Стихи пишет давно и на различную тематику. Людмила – победительница районного поэтического конкурса «Город сердца моего» в 2002 году и участница Каблукских литературных встреч 2007 года. Кроме того, её стихотворение «Гимн библиотеке» вошло в дайджест «Тверские библиотеки в местной прессе».

Стихи Людмилы регулярно публикуются в местных периодических изданиях.

\* \* \*

Огород мой, заросший выюнком и смородиной,  
Слив отцветающих шелковый розовый снег.  
Как люблю я тебя, моя тихая,  
добрая родина,  
Мне дороже и краше, милее тебя края нет.  
Я с крылечка резного в июньское утро росистое  
На лужок изумрудный спросонок шагну босиком,  
Словно в детство свое безмятежное,  
нежное, чистое,  
Где живут еще бабушка, тетя и мама с отцом.

Где наш дом, еще новый с нарядными белыми окнами,  
Пирогами с картошкой и жареным

**стр.2**

луком пропах,  
где горит допоздна свет  
за шторами скрытыми  
стеклами,  
Где разлук и потерь нам  
неведом пока обжигающий  
страх.  
Городок мой, в лесах и болотах  
затерянный,  
Ты теперь на большую деревню  
похож.  
Сколько гроз пронеслось над тобою  
– немеряно,  
Сколько пролито крови здесь  
русской и слез!

### Ностальгия

Сдай мне комнату, хозяйка,  
Я в ней лето проживу.  
До того, как листьев стайки  
Закружатся на ветру.  
Сдай мне комнату, хозяйка,  
И не думай о цене.  
Под окном твоим лужайка  
Приглянулась сразу мне.  
Не хочу я ни на север,  
Ни на жаркий пестрый юг.  
Снятся мятлики мне и клевер,  
Да в ромашках белых луг.  
Снятся речка голубая  
И песчаный желтый плес.  
Снятся улица родная,  
Где мальцом я шустрым рос.  
Жаль, что дом мой отчий продан,  
Мать с отцом в земле сырой,  
Только тянет год за годом  
Все сильнее меня домой.  
Дом твой, окнами на речку,  
Так похож на мой родной.  
Застекленное крылечко,  
И такой же голубой.  
Сдай мне комнату, хозяйка,  
В русской печке щи свари.  
Кто я, чей, меня узнай-ка  
И со мной поговори.  
Расскажи, кто жив, кто помер,  
Кто уехал и куда?  
Дом мой знаешь – первый номер, –  
Под березой у пруда?  
Кто живет в нем, что за люди?  
Надо б мне сходить туда,  
Да боюсь, что больно будет.  
Вот такая ерунда.  
На мои ответь вопросы,  
Ничего не утая.  
Как легко мне здесь и просто,  
Будто снова дома я.  
Сдай мне комнату, хозяйка...

\* \* \*

Выбирать теперь кто прав,  
Виноват кто – поздно.  
Каждый свой имеет нрав  
И характер сложный.  
Не смогли с тобой понять  
И принять друг друга.

А теперь не разорвать  
Замкнутого круга.  
Ничего не изменить,  
Впрочем, и не надо.  
С этим просто надо жить,  
Без вины, досады.  
Но нет-нет – да и кольнет  
Давняя обида  
Больно. Пусть. Но только вот  
Не подать бы виду.  
Опустить глаза к земле,  
Погасить в них искры.  
Нет меня в твоей судьбе,  
И в моей ты – лишней.

\* \* \*

Коснулась бабочка крылом  
Моей щеки разгоряченной.  
Как будто вечности излом  
Вздыхнул с печалью затаенной.  
А может быть, твоя душа,  
Устав томиться в одиночку,  
Среди чужих миров нашла  
Меня единственной точкой...

\* \* \*

В душе – девчонка,  
С лица – старуха.  
Смеется звонко,  
Туга на ухо.  
Судьба, мой милый,  
Нас потрепала,  
Когда-то было –  
Теперь пропало.  
Кудряв был волос,  
А стан изящен,  
Остался голос,  
Чуть дребезжащий.  
Почти не видят  
Глаза, слезятся.  
Хотелось быть бы,  
А не казаться.  
И не ходить бы –  
Летать хотелось.  
Душе обидно –  
Подводит тело.

### Летний дождь

Гроза прокатилась над полем,  
Высокие травы примяв,  
И лужи раскинулись морем,  
Рванувшись из тесных канав.  
Склонились тяжелые ветки  
Намокших берез до земли,  
И серги рябинам-кокеткам  
Хрустальные дождь подарил.  
И радуга – летнее чудо –  
Над тучами вдруг расцвела.  
Дорога – куда? И откуда? –  
Над шаром земным пролегла.  
Дождь летний, обилен и краток,  
Низвергся вселенской водой.  
И снова по крышам покатым  
Луч солнца скользит золотой.



## ВЕСЕННИЕ ВОДЫ



**Светлана ВИНОГРАДОВА,**  
г. Нелидово

### ГЛАВА ВТОРАЯ

День концерта приближался, Славик заметно волновался. И Фаина, замечая в игре подопечного некоторый автоматизм, решила сделать в занятиях перерыв, а перед самым выступлением устроить как бы генеральную репетицию. Так и сделали. Ожидания музыкантов оправдались: вслед за последним, растаявшим невесомой паутинкой звуком Славик взглянул на Фаину торжествующими синими глазами, и оба поняли – теперь это то, что нужно!

...Фаина всегда любила приглушённый гул голосов в фойе филармонии, полумрак большого концертного зала, а сверкающий лаком роуль на сцене вызывал чувство душевной приподнятости и волнения. Волновалась она и в этот вечер. Слава был внешне спокоен, молчалив, сдержан. Перед выходом на сцену Фаина улыбнулась ему, он в ответ вскинул голову, блеснув своими васильковыми очами, прижал смычок к груди и поцеловал виолончельный гриф...

– Сергей Рахманинов, Соната для виолончели и фортепиано. Часть третья, анданте, – торжественно провозгласила ведущая, – исполняет Вячеслав Корнеев, партию фортепиано – Фаина Красовская.

Фаина вскинула свои изящные ручки над клавиатурой, и полноводной рекой потекла мелодия,

хрустально позвякивая ещё не растаявшими льдинками, бурливо всплещивая на перекатах; вплетаясь в глухой рокот набегающих волн, бархатно-тягучим вздохом поддала свой голос виолончель, и словно расцвёл на берегу тёмно-лиловый весенний цветок...

Фаине казалось, что она не дышит, а всё вокруг само вибрирует и колышется в такт подвластной волшебному смычку мелодии.

Когда истаяли последние звуки, в зале воцарилась такая тишина, что он казался пустым. Славик в растерянности оглянулся на свою учительницу... И тут прорвало! Интеллигентная публика, казалось, растеряла всю свою сдержанность: оглушительные аплодисменты, восторженные выкрики, на сцену сыпались букеты цветов. Польщённый виолончелист энергично раскланивался, а Фаина, разок поклонившись публике, ушла со сцены. Но не тут-то было! Уже за кулисами была схвачена за руку и возвращена на подиум успеха.

Не отпускали их долго. Наконец, счастливые и усталые, они уединились в артистической уборной. Но и здесь не были оставлены без внимания. Кто-то настойчиво постучал в дверь, в ответ на приглашение вошёл высокий седой мужчина. Ни слова не говоря, крепко обнял раскрасневшегося Славика, что-то тихо сказал ему на ухо. Потом повернулся к Фаине. Взял в свои ладони её руку и поцеловал. Фаину будто током прошибло, колени стали ватными. А он, наверняка почувствовав её состояние, улыбнулся и посмотрел растерянной женщине в глаза синими, в чёрных ресницах, Славиковыми очами.

– Александр... Петрович, – представился Фаине мужчина, – отец Вячеслава. Поздравляю!

В ответ Фаина пролепетала что-то невнятно-милое, но тут же взяла себя в руки и сделала строгое и умное лицо. Господи, думала она в смятении, ну как девчонка на первом свидании, стыдно, Фаина, опомнись, приди в себя!

Впрочем, за столиком в ресторане, куда их привёз на машине отец Славика отметить небывалый успех, Фаина выпила бокал вина и расслабилась, смеялась, подшучивала над своим учеником, хвалила парня, но

смотреть в глаза его папе почему-то избегала. То ли боялась, что он прочтает её греховные мысли, то ли не хотела терять голову, вот так сразу – с первого взгляда... Хотя для этого ей хватало и его рук: красивыми сильными пальцами Александр Петрович держал бокал и медленно поглаживал хрусталь тонкой ножки. При этом сердце Фаины то и дело падало куда-то вниз, замирало, усилением воли она возвращало его на место и мысленно приказывала: Фая! приди в себя, приди в себя, приди в себя! И, кажется, ей удалось принять непринуждённый вид, поддерживать беседу и даже невинно кокетничать. Но чего она хотела больше всего, так это чтобы поскорее кончился вечер и прекратилась истомляющая душевные силы пытка... Вячеслав, почуяв витавшее над их столиком магнетическое поле, ушёл танцевать.

Оставшись наедине, они замолчали. И тут самообладание оставило женщину: слёзы крупными градинами выкатывались из её широко открытых глаз, текли по щекам, падали в тарелку, на сложенные лодочкой худенькие руки...

– Ну вот, – только и вымолвил Александр Петрович, резко встал, опрокинув стул, бросил на стол несколько смятых бумажек, мягко ступая, подошёл к Фаине. Взял за локоть и, осторожно приобняв за плечи, вывел из зала. Она, едва доставая гладко причёсанной головкой до плеча мужчины, послушно шагала рядом.

– Простите меня, – прошептала Фая, вскинув тёмные глаза навстречу синему сиянию. Он ободряюще улыбнулся ей и подвёл к машине.

Откинувшись на спинку сиденья, женщина глубоко и прерывисто вздохнула. Ей вдруг стало легко и спокойно.

В молчании поднялись по лестнице, Фая открыла дверь своей квартиры, быстро прошла к пианино, подняла крышку. Александр Петрович опустил в стоявшее у стены кресло.

Уругие, мощные звуки Прелюдии Рахманинова наполнили комнату, а когда стремительные, словно перегоняющие друг друга пальцы пианистки добежали до последней



## Полынные сумерки

Ягель под соснами тускло блеснул серебром.  
Осень дымит, болотные травы мороча,  
Лист перелётный забился совиным пером  
В бархатный плащ припорошенной звёздами ночи.  
Эльфы попрятались в косы полынных лугов,  
Духи деревьев по зарослям ходят кругами...  
Чёрное в чёрном: подлесок унизан иргой,  
В коконе веток беспомощно горбятся камни.  
Сказки уходят в лиловый от вереска мох,  
В горькие травы, в багульник, увитый огнями.  
Низкое небо целует макушки холмов,  
В девственной чаще ютятся грибы под корнями;  
Северный ветер туманы форсирует вброд,  
Серые сумерки пахнут малиновым чаем.  
Кончилось лето. Горюет волшебный народ,  
Глядя, как дуб облака на загривке качает...

*Алексис,  
Удомля*

\* \* \*

Это просто такое время –  
Время сонного снегопада,  
Время грусти, стихов и лени,  
И круженья в потёмках сада.  
Выбрав тайную из тропинок –  
Заблудиться в пространстве снежном,  
У холодных огней калины  
Греться тихой смешной надеждой.  
Никуда не спеша со всеми,  
Умываться туманным светом...  
Это, друг мой, такое время –  
Для поэтов...

*Наталья Смехачёва,  
Торжок*

нотки, Фаина услышала, как Александр Петрович вздохнул, да так, что казалось, до этого момента не дышал вовсе.

– А теперь, Фаина Григорьевна, вы мне расскажете всё-всё... я, к вашему сведению – психолог.

Фаино сердце сжалось, перехватило горло. Вон оно что, – пронеслось в её голове, – да, сейчас, как же! Расскажу ему, как стосковалась стареющая брошенная женщина по ласке, мужскому вниманию и что готова в сию же минуту броситься на грудь к мужчине, в которого, кажется, по уши влюбилась... едва он прикоснулся ко мне. Никогда! Ей показалось, что это слово она произнесла вслух, испугалась и, не поднимая головы, тихо сказала: «Александр Петрович, я хочу остаться одна, простите...»

Он ушёл. Не прощаясь.

– Ну почему я такая? ну почему у меня так всё сложно? – терзала себя Фаина, – почему я не могла встать, подойти к нему, прижаться к твёрдой мужской груди и отдаться на волю своим чувствам и желаниям!?

Значит, не могла. Вот, подумал бы он, размышляла Фая, жалкое существо, которое разлюбил муж, отшвырнул, как старую дырявую кастрюлю, а стоило взглянуть на неё – и растаяла...

Три ночи подряд женщина терзала себя сомнениями, перебирала в памяти все моменты их встречи, кляла себя за слабость, за горячее желание счастья... сочиняла отповеди психологу Корнееву. Днём сидела, укутавшись в шаль, у окна. Не подходила ни к инструменту, ни к компьютеру. И что удивительно – за стеной было тоже тихо. Ни звука.

Потом ей стало интересно, куда же подевался Славик. И тут же про это забыла. Потому что включив наконец компьютер, увидела в почте письмо с незнакомым электронным адресом. Сердце больно ёкнуло.

«Милая Фаина Григорьевна, – читала она, судорожно перескакивая со одного слова на другое, – не удивляйтесь этому посланию (адрес я узнал от сына), с тех пор, как ушёл от вас в тот вечер, гложет мою душу раскаяние, и смутная тревога не даёт покоя. Плохой я, значит, психолог, если, считай, был выпровожен из дома. Но поверьте, сложнее всего разгадать женщину. А вы для меня – тайна. Очаровательная, трогательная и очень красивая. И талантливая. Скучаю по вам, хочу видеть. От-

кликнетесь, прошу! Александр».

Фая перечитала письмо несколько раз, упиваясь строчками о своей таинственной избранности. Да много ли надо женщине, даже в шестьдесят, чтобы воспрянуть духом, помолодеть лет на десять и даже полюбоваться собой в зеркале...не замечая морщинок, складочек и седых висков... Всего несколько ласковых слов... Но что же ему ответить?

Переписывались они неделю. Так Фая узнала, что жена у Александра несколько лет назад умерла, у него двое детей – сын и дочь. Уже взрослые. Живут отдельно, самостоятельные. Сын радуется, а вот дочь...

С дочерью сложнее. Влюбилась в старика... да нет, не в старика, вполне импозантный мужчина, но в возрасте, на 30 с лишним лет старше. Говорит, что счастлива, но отцу неспокойно. Видятся они теперь редко, и подробностей её новой жизни он не знает.

Фаина тоже поведала о себе, но осторожно, хотя вот так, заочно, было намного легче делиться своими прошлыми переживаниями.

Встретились у филармонии. Вячеслава заметили в музыкальном мире, и теперь он выступал с оркестром. На один из таких концертов парень пригласил отца и свою дорогую наставницу.

Играл Вячеслав великолепно. Вдохновенно и виртуозно. Фаина сидела рядом с Александром Петровичем и тихонько радовалась – сама, за Славика и особенно – за его папу. Изредка взглядывая на чёткий профиль сидящего рядом мужчины, казавшегося ей краше всех на свете, видела, как он порой едва заметно улыбается, кивает в такт музыки головой, когда виолончельное кружево взмывает ввысь и, кажется, что никакой смычок не опустит его на грешную землю... Но нет, Вячеслав, ухватив самую высокую нотку за тонкий хвостик, заставлял звук густеть, наливаясь силой и наконец доводил до едва слышного бархатного шороха... У Фаины замирало сердце, то ли от восторга, то ли оттого, что Александр Петрович брал её тонкую кисть и легонько сжимал тёплой ладонью...

В свой особняк Александр привёз Фаю спустя три дня после концерта. Он никогда не рассказывал ей о работе, но в полумраке салона Фаина видела, какой у мужчины усталый вид, и не тревожила его вопросами.

Когда они поднялись по высоко-



му крыльцу и Александр Петрович открыл дверь, взору Фаины представило большое светлое помещение без перегородок. Пахло деревом и ванилью. В неглубокой нише стояла кровать, посреди – круглый стол, а над ним нависал матерчатый бежевый абажур с кистями, большой, как шатёр. Четыре широких кресла с толстыми подлокотниками. Одну стену занимали стеллажи с книгами, а противоположную – полки с плоскими коробками. Ещё одно углубление в стене служило одновременно кухней и столовой...

Всё это Фая охватила мгновенным взглядом, и всё уже ей очень нравилось.

...За окном безумствовала ночная гроза, а в «алькове», под тонким пологом, творила счастье любовь. Объятые тихой нежностью, мужчина и женщина отдыхали после безмолвного испуга...

Господи, неужели это я, спрашивала себя Фаина. Закрывала глаза, дотрагивалась кончиками пальцев до ЕГО лица и чувствовала, что Он улыбается.

– Какое у тебя красивое имя! Фая! Как взмах крыла, лёгкое, светлое.

Говорили такое ей впервые, а сама она (ну не признаваться же в этом любимому!) своё имя поначалу терпеть не могла. Ей так хотелось быть Эвелиной. Но Эвелина Горохова... куда это годится? А когда стала в замужестве Красовской, уже и не помышляла о другом имени. Фаина так Фаина. Лишь бы ЕМУ нравилось...

ЕМУ нравилось в Фаине всё. Лёгкая походка, поворот головы, изящный окат плеча, низкий грудной голос и даже складочка возле уха – печальная примета возраста... Но больше всего привлекало то, что она была неожиданно разной. В своей прежней одинокой жизни он возвращался домой усталый до изнеможения. Хватало сил лишь снять плащ и рухнуть в кресло. Спасала музыка. В богатой фонотеке бережно хранились полубившиеся записи классической музыки. Слушал Моцарта, Гайдна, Вебера... Волшебными звуками излечивалась, очищалась душа его.

Теперь после работы Александр Петрович ехал к ней. Нет, мчался в мальчишеском нетерпении: увидеть её в дверном проёме... и всякий раз иную. То испуганной и растерянной (когда он вдруг задерживался), то задумчивой и рассеянной (значит, до его появления она играла и на-

ходила ещё во власти мелодии), то домашней и уютной (наверняка, поджидая его, пекла блины), а когда она превращалась в строгую классную даму, даже слегка побаивалась. Впрочем, такой она становилась, сопровождая Вячеславу, когда тот вдруг, по выражению Фаины, «уходил не в ту степь».

Особенно радостными для Александра Петровича стали субботние вечера. Славик обзавёлся подружкой и приводил её в этот день к Фаине. Получался почти семейный вечер с чаепитием, шутками, игрой-импровизацией великолепного дуэта фортепиано с виолончелью.

Девушку звали Маша, но Слава неизменно называл её Марией. И Фая позже поняла, почему. Поначалу женщине было любопытно разузнать о Марии побольше. Но Славик сказал лишь, что она мерчендайзер. Фаина в ответ важно и понимающе кивнула. Но потом, оставшись одна, быстренько набрала в ГУГЛе это мудрёное слово. Получалось, что Маша к музыке не имеет никакого отношения, а лишь занимается раскладыванием товара на полках магазина... Но зато КАК она слушала музыку! С каким обожанием смотрела на Славу, когда тот с присущим ему упоением исполнял довольно серьёзные классические вещи. Девушка, словно в истоме, закрывала глаза, слегка наклоняла головку, и вот тогда до Фаины дошло, почему она не Маша, а Мария... Точная копия боттичеллевой мадонны! Медового оттенка мягкие волосы, удлинённый овал лица и смиренно-печальное его выражение... Ну вылитая «Мадонна с гранатом»! К тому же музыкальный слух у Марии был феноменальный. Порой она просила Славу: «Сыграй вот это...». И очень точно напевала несколько тактов из услышанных ею произведений. Однако завершался вечер неизменно одним и тем же. Все с улыбкой ждали, когда Мария жалобным голоском попросит: «А теперь «Лебедя» Сен-Санса!». И прекрасная гордая птица выплывала из-под трепетного смычка, струилась под Фаиниными пальцами зелёная вода...

И тут вслед за финальным угасающим звуком виолончели в комнату входила кошка Стеша. Непостижимым образом она всегда угадывала, что «концерт окончен» и можно наконец-то взобраться на колени к хозяйке или... к Славику на плечо. Стоило ему отодвинуть в сторону

инструмент, как Стеша молниеносно вскарабкивалась наверх и поглядывала оттуда на всех своими янтарными ясными глазами.

Потом они гуськом шли на кухню. К пирогам, которые испекла Фаина, к душевной беседе, спорам, шуткам, смеху...

В такой же компании планировали и встретить Новый год. Но только уже в особняке Александра Петровича.

Декабрь выдался снежным. В выходные Фаина с Сашей (так она теперь его звала) выбирались за город. Им было хорошо вдвоём. Но Фая замечала, как временами будто тень ложилась на его лицо, порой отвечал невпопад, явно чем-то озабоченный. Она остерегалась расспрашивать, но однажды не выдержала.

– Саша, ты чем-то расстроен? – спросила Фаина и замерла в ожидании ответа. Испуганная его долгим молчанием, остановилась. Он тоже замедлил шаги...

– Дочь? – почти прошептала Фаина и по тому, как он тяжело вдохнул, поняла, что угадала. – Что? скажи...

– Виноват я, Фая... Оттолкнул я её тогда, высказал всё, что думаю про её избранника, будущее нарисовал. Даже кричал на неё... Перестала отвечать на мои звонки, а вчера случайно столкнулись на улице. Я её даже не сразу узнал... так изменилась, мне показалось, что она испугалась, перешла на другую сторону улицы.

– Но нельзя же так оставлять, Саша, надо что-то делать!

– Надо, помоги мне...

Женская логика Фаину не подвела, когда осторожно, исподволь она завела со Славиком разговор о сестре. То, что брат с сестрой общаются, поняла по немногословным ответам парня. В конце концов решили, что неплохо бы встретить Новый год всем вместе. Подразумевалось, конечно, и присутствие девушки с её возлюбленным.

...Новогоднюю ёлку установили ровно посередине просторного зала. По настоянию Марии от большого стола отказались, раскинули на полу вокруг ёлки ковры, а яства разложили на низеньких столиках. И дамам было велено надеть длинные платья. «Для маскировки», ведь сидеть придётся на полу! Допускались и брючные костюмы. Но Фаина решила блеснуть в прямом смысле этого



## ОЖИДАНИЕ ЛЕТА

Осень трапы сожгла, и горящий  
осинами берег  
Мой причал до весны – к лету мне ни  
доплыть, ни шагнуть,  
Бригантиной листва уплыла, ну, а  
мне остаётся лишь верить –  
Через зимние сны снова в лето смогу  
заглянуть.

### Припев:

И после прощанья, расставания  
с летом  
Живу ожиданьем, что оно снова  
где-то,  
Уже ходит рядом за дождей  
пеленою,  
За тем листопадом, за этой весною.

И когда шаль зимы остывающий  
берег укроет,  
И под собственный вой закружит  
карусель зимних вьюг,  
Будет сниться, как мы этим летом  
бродили с тобою  
Под зелёной листвой и не знали  
осенних разлук.

Но устанет зима и последней  
открожит метелью,  
Шаль доносит февраль, но  
проталины не залатать,  
И, согретый теплом, март от счастья  
заплачет капелью,  
И журчаньем ручьёв будет берег  
разбужен опять!

*Елена Калашникова,  
Нелидово*

## В ЛУЖУ ПАДАТЬ НЕ СЕЗОН

Это разве гололёд,  
Если скрыт под лужей лёд?  
Здесь уже другой резон –  
В лужу падать не сезон!  
И у всех в походке вязкой  
Тайная сквозит опаска –  
Небольшая будет честь  
И на лёд, и в лужу сесть.

*Святослав Кетлеров,  
Нелидово*

слова. Купила переливающуюся голубыми оттенками ткань (под цвет Сашиных глаз!), выбрала фасон и сама сшила новогодний наряд. Мария соорудила себе малиновые шаровары. Но сомневалась, с чем их комбинировать – с топиком на узких бретельках или свободной блузкой... Прибежала советоваться с Фаиной Григорьевной. Та решительно высказалась за топик... без бретелек. На том и порешили.

В канун Нового года, в 10 вечера, уселись на ковры. Пока только вторым. Куда-то запропастился Вячеслав. Но судя по тому, что Мария не беспокоилась из-за его отсутствия, Фаина вопросов не задавала.

Однако по сердцу нет-нет да и пробегал холодок. Она ждала...

Когда раздалась заливиная трель дверного колокольчика, первая устремилась к выходу, щёлкнула ключом – на пороге стояла девушка, и Фая мгновенно поняла, что перед ней Ольга – осунувшаяся, подурневшая, шубка еле сходилась на её раздавленной фигуре... Женщина невольно поискала глазами её спутника, ожидая увидеть мужа, но за спиной Ольги стоял улыбающийся Славик, мерцающая весёлыми синими очами. Как часто пишут в романах, ни один мускул не дрогнул на Фаинином лице... Отболевшая обида на неверного мужа и ученицу-искусительницу давно и бесследно была растворена в горячем новом чувстве. Сейчас она видела только растерявшуюся беременную девочку. Заметив, что Ольга смутилась и невольно дёрнулась назад, Фаина шагнула к ней, улыбнулась и, приобняв, провела в зал. Тут же, разметав свои медовые волосы по точёным оголённым плечам, к ним подскочила Мария, затормошила Ольгу, сняла с неё шубку, оглянулась на Александра Петровича. Тот стоял у ёлки, освещённый снизу свечами, и в полумраке Фаине не удавалось разглядеть выражение его лица. Но в следующую минуту он шагнул к дочери, причал её голову к своей груди и поцеловал в пушистую макушку. Казалось, одному Славику ни до чего не было дела. С честью выполнив свою миссию, он прилёг возле столика с яствами и с видимым удовольствием угощался. Однако вскоре к нему присоединились остальные. Мелодичный звон больших напольных часов в углу оповестил о наступающем новом годе. Второпях открыли бутылку шампанского, разлили по фужерам,

и каждый про себя загадал желание. Мария, не отрывая взгляда от беспечного Славика, Фаина, закрыв глаза и чувствуя, что на неё смотрит Саша... Ольга – отрешённо глядя на свечные блики в окне. А вскоре девушка засобиралась уходить.

– Я проведу, – шепнул Александр Петрович Фаине, пытавшейся задержать гостью. Ольга по-прежнему избегала смотреть на Фаину, и когда женщина дотронулась до руки девушки, та вздрогнула и напряглась.

Александр Петрович вернулся через час, расстроенный. Долго молчал. Молодёжь укатила праздновать Новый год в свою компанию, и в доме стало тихо, слышалось только потрескивание свечей. Фаина ждала, наблюдая, как Александр прямо из горлышка глотнул коньяка, поставил бутылку на стол, сел в кресло.

– Плохо всё, Фаина, – у Игоря Николаевича был инсульт, в реанимации привели в чувство, частично его парализовало. Сейчас дома. Пользуется коляской... Оля перешла на заочное, даёт частные уроки музыки, подрабатывает переводами... Тяжело ей... Рожать будет в марте. Ребёнок желанный. Твой муж (Фаина вздрогнула, отвела взгляд) очень хотел детей.

Александр Петрович опустил голову и замолчал.

– Очень хотел детей, очень хотел детей, – фразала делось в мозгу Фаины, не давала сосредоточиться, – а ведь никогда ни словом не упрекнул бездетную жену... Но нужно было что-то говорить. И немедленно.

– Саша, – Фаина встала на колени, сжала своими маленькими ручками его сильные пальцы, – как ты захочешь, так и сделаем. Завтра же я еду к ним, оставлять без помощи нельзя ни того, ни другого.

В ответ услышала тяжёлый вздох и сию минуту почувствовала, что полна энергии, неукротимого желания тут же начать действовать, что-то решать, не раздумывая, взвалить на себя любые тяготы...

Почти всю ночь женщина не спала: одно дело – в мыслях исполниться решимости, другое – всё это реализовать в действительности. То переселяла Игоря и Ольгу в свою квартиру, чтобы не маялись они на съёмной, то представляла встречу с бывшим мужем. Как он воспримет её вмешательство в их с Ольгой судьбу? Страшилась этой встречи, подбирала нужные слова для разговора... Уснула под утро, после того,



как тоже не сомкнувший глаз Саша дотронулся до её плеча, успокаивающе погладил и сказал слова, какие и должен сказать мужчина: «Фая, спи, я всё возьму на себя...»

Однако вскоре заботы делить пришлось всем. Визит Александра Петровича к дочери успехом не увенчался. Игорь Николаевич категорически отказался от любого вмешательства в их с Ольгой жизнь. А через два дня, после повторного инсульта, он умер. У Ольги начались преждевременные роды...

Фаина мерила шагами гулкие больничные коридоры, беспрестанно повторяя про себя как молитву: «Всё будет хорошо, всё будет хорошо...». Через каждые 15 минут ей звонил Саша, беспокоился. Они с Вячеславом занимались похоронами Игоря Николаевича. В больницу прибежала Мария, чтобы сменить на «дежурном посту» Фаину Григорьевну. Но та никуда не уходила, пока медсестра не сообщила, что родилась девочка, что всё с ней в порядке, мать слаба, но её здоровью ничего не угрожает. Однако... мама и ребёнок пока останутся под наблюдением медиков.

Выписали Ольгу с малышкой не скоро. За это время в Фаиной квартире появилась детская кроватка, в прихожей, в углу, поставили коляску, даже купили пеленальный столик, а также кучу всяческих принадлежностей для ухода за младенцем. Не говоря уже о пеленках, ползунках, одеяльцах и простынках... Фаина, можно сказать, вылизала комнату, которую они с Сашей уже называли детской. И в назначенный срок все, включая Вячеслава и Марию, отправились к родному встречать молодую маму с дочкой.

... Прошло три года. Славик на Марии не женился. С успехом гастролировал по России и за её пределами. У него завязался роман с оперной дивой. Особняк отец отдал в распоряжение сына и тот, приезжая на родину, располагался в нём со своей возлюбленной. «Дива» оказалась на редкость хороша собой, моложава и статна. Мария вышла замуж за покупателя, который так стал часто навещать в магазин, где девушка старательно укладывала товары на стеллажах, что не оставалось сомнений: парень влюбился в мерчендайзера. Она ответила взаимностью.

Ольга устроила свою судьбу в замужестве с французом, для которо-

го делала переводы текстов. Живут сейчас в Париже. Фаина Григорьевна страшно боялась, что они возьмут с собой и Анечку. Но нет, как устроимся, обживёмся, тогда, пообещала Ольга. И Фаина всякий раз, когда раздавались звонки из Парижа, замирала в тревоге. Александр Петрович тоже души не чаял в своей синеглазой внучке.

Девочка и впрямь была прелестной, к тому же проявляла явный интерес к музыке. Фаина научила её играть на пианино простенькие мелодии. Пока одним пальчиком... А однажды, когда варила на кухне для Анечки кашу, услышала: «Ессё в поях бе-е-ет сне-е-ег...» – старательно выводил детский нежный голосок под ещё неуверенный, но верный, без фальши, фортепианный аккомпанемент. Фаина на цыпочках подошла к двери, заглянула в комнату. Маленькая певица сидела на высоком круглом стульчике, на плечах была накинута Фаина ажурная шаль (девочка явно подражала своей Фая, как она называла Фаину Григорьевну), а выражение лица... Тут Фаина чуть не прослезилась: ну как вот так можно было перенять её манеру, взгляд из-под опущенных ресниц, наклон головы... А ведь никогда она специально не учила малышку этому романсу... На второй фразе маленькие пальчики запутались в клавишах и Фаина, не выдержав, продолжила: «А во-о-оды уж весной шум-я-ят!». Села сама за фортепиано – и потрясая своей силой и красотой музыка Рахманинова хлынула бушующим потоком из-под её пальцев.

... С начала и до конца исполнила знаменитый романс певица Анна Корнеева двадцать лет спустя с подмостков большой сцены. Её любимые Фая и дедушка Саша смотрели концерт по телевизору. Фаина Григорьевна хоть и не поддавалась возрасту, но временами чувствовала сильную слабость и не каждый раз решалась выходить на улицу. Сейчас они с мужем сидели рядышком на диване, Фаина Григорьевна не спускала глаз с экрана. Вместе с певицей переводила дыхание в рискованных местах, вторила звонкому чистому голосу Анны, и ей казалось, что омытая внешними водами душа её по-прежнему юна, открыта радости, весеннему теплу...

И бессмертна.

\* \* \*

Последний луч зари вверх погас,  
В уставшем небе серебрится пот.  
На проводах играет ветер джаз.  
Себе играет и себе поет.

Ночных небес пугает высота –  
Пожухлый лист взлетел и тут же лег.  
Играет что-то ветер-сирота  
Для тех, кто в этой жизни одинок.

Бесплотный ветер рвет стальную  
плоть –  
Вибрирует железная струна.  
Молитву-песню слушает Господь,  
Но у ветров судьба предreshена.

Корявый вяз на поле в землю врос.  
Ушел бы он, да только вот невмочь.  
Надежды тусклый луч вверх  
погас...

И дальше только ветреная ночь.

*Иван Кирпичев,  
Нелидово*

## АВТОПОРТРЕТ ИЗ БУКВ

Я бурш: носить не научилась платья,  
И комплексы растут и там и тут.  
Мужчинам я не падаю в объятья –  
Пока, конечно, к стенке не припрут  
Базукою. Зато в гостях, к примеру,  
Где мой расхристанный неважен  
вид,  
Мне так идёт (как галстук –  
пионеру)  
Спецназовский здоровый аппетит.  
Вспорхну – и улечу (или уеду:  
Не знаю слова «да», привычной  
«нет»),

И ваш горячий зов меня к обеду  
Приятней, чем горячий комплимент.

*Татьяна Михайлова,  
Тверь*

\* \* \*

Пятый час, а не сразу поймёшь –  
День ли к вечеру, ночь ли к рассвету,  
И не дождик, а влажная дрожь  
Занавесила зябко планету.

Календарь у последней черты,  
Но забыты природой резоны,  
Нам не выбраться из черноты  
Аномальной пожизненно зоны.

Хоть и тускло, но брезжит фонарь,  
Малым зёрнышком теплится нега.  
Чем грустней эта серая хмарь,  
Тем желанней пришествие снега.

*Маргарита Петрова,  
Андреаполь* **стр. 7**



## ЛЕЖИ, МОДЕЛЬ...

\*\*\*

Расправлю плечи. Подтяну живот.  
Зажгу огонь в глазах – и прочь  
унынье.

Лишь круглый не заметит идиот,  
Что кровь моя от возраста не  
стынет.

Качну бедром, задену за косяк,  
На мокрой поскользнувшись  
половице.

Наутро глядь – на заднице синяк.

Я что, вчера опять порхала птицей?!  
– Что за дурёха, – зубоскалит муж. –

Очки втираешь каждую субботу.

Таскать тебя из бани я не дюж.

Лежи, модель, нам завтра на работу.

**Светлана Большенкова,  
Нелидово**

\*\*\*

Походка, стать, повадки Аполлона  
в тебе видны, родной мой, до сих  
пор.

Вон как глядит вослед тебе ворона,  
когда трусцой пересекаешь двор.

Ну да, – морщины, присогнуло  
спину,

и трость в руке, какая ерунда.

Ведь шарм и твердый дух в тебе не  
сгинул

от невезух, осечек, неудач.

Добытчик, принесешь коту  
рыбешку,  
хоть лодочку без дна пригрела  
мель.

На подиуме кухни, с поварёшкой,  
я для тебя пожизненно модель.

*\*Аполлон считался богом музыки и  
искусств,*

*а также богом прорицания и покрови-  
телем стад и скота.*

**Маргарита Петрова,  
Андреаполь**

\*\*\*

Упоминают, говоря о красоте,  
Известный древнегреческий  
шаблон.

Согласны все в эллинской правоте...

Не встретились Прокруст и

Аполлон.

\*\*\*

Вполне рифмуются модели и  
постель,

Легко уложатся не только в головах.

Как тут не вспомнить пресловутый

Куршавель...

Но я не буду откровенничать в

мечтах.

**Иван Кирпичев,  
Нелидово**

## СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА

Она в своей испорченности  
праздной

напоминает мне кабриолет:

роскошна, элегантна, безотказна,

одна проблема: крыши напрочь нет.

**Владимир Юринов,  
Андреаполь**

## РАЗМЫШЛЕНИЕ

Пышность бёдер, формы бюста,  
ослепляющие взор,

как явления искусства,

принимаю с давних пор.

Лишь табличек нет знакомых

этим ценностям под стать:

«Охраняется законом»

и «Руками не хватать!».

**Евгений Коган,  
Москва**

## ОЧЕНЬ МИЛЫЙ ДИАЛОГ

– Опять, что ль, лыжи наострила?

Теперь куда? В ДК? В салон?

Уж лучше б огурцы солила

И щи сварила бы. Пардон!

С утра ни встать, ни разогнуться,

Гляди-ка, вовсе не могла,

А тут неведомая сила

В момент пушинкой подняла.

Смотри-ка, как приободрилась!

На шпильки встала, причесон!

Не фиг, модель, принарядилась!

– Каких-то годиков фасон?

– Вот разошёлся, язва в брюках.

Не стой, машину заводи!

Щи подождут и к чёрту скуку.

Так где тут шабаш? Я в пути.

**Наталья Шабанова,  
Андреаполь**

\*\*\*

В телеречах сквозит усталость –

Итог недрёманных недель:

Евромодель не состоялась –

Несите русскую модель!

И, лаву мнений извергая,

Уже не замечаем мы,

Как за окном, совсем нагая,

Дрожит модель еврозимы...

**Игорь Столяров,  
Нелидово**

\*\*\*

Быть студенткой без гроша –

Вариант не лучший.

Я в модели бы пошла!

Пусть меня научат,

Как наряды выбирать

По законам моды,

Как уметь себя подать

Публике в угоду.

Ровно, правильно шагать,

Натянув улыбку,

Как диету соблюдать,

Стройной стать и гибкой.

Чтоб всё было, как в кино,

И жених богатый

(Мне не нужен чёрти кто

С маленькой зарплатой)!

Бизнес-план готов давно,

Изменю едва ли.

Остаётся лишь одно —

Чтоб в модели взяли...

**Светлана Миронова,  
Пено**

\*\*\*

Ах, эта девочка-поэтка

Была стройна, как статуэтка.

Была умна, мила, красива.

Стихи писала – просто диво.

Но время быстро пролетело,

И узнаю теперь с трудом

Я в этой женщине деблолой

Свою далекую любовь.

**Людмила Леоненкова,  
Белый**

